

УДК 94(575.2):340.141

ЮРИДИЧЕСКИЙ БЫТ КЫРГЫЗОВ ПО Н.И. ГРОДЕКОВУ

С.М. Слесарев

Раскрываются характерные особенности обычного права у кыргызов в 70–80-х гг. XIX в.

Ключевые слова: адат; суд биев; кун; айып; Положения 1867 г. и 1886 г.

LEGAL LIFE OF KYRGYZ PEOPLE IN N.I. GRODEKOV'S STUDIES

S.M. Slesarev

The article describes the features of Kyrgyz people's common law in the 70's–80's of the XIX century.

Key words: adat; court of biys; kun; ayip; Regulations of 1867 and 1886.

Большой вклад в изучение Центральной Азии внесли военные, путешественники и исследователи, такие как Ч.Ч. Валиханов, Г. Потанин, А.Е. Слесарев, Л.Ф. Костенко, М.Е. Ионов, М.И. Венюков, В.А. Полторацкий, Л.Г. Корнилов и многие другие. Однако среди них надо выделить тех, кто, находясь на ответственных постах по управлению присоединенными территориями, совмещал с административной и научно-исследовательскую деятельность. Примером такого рвения и энтузиазма являются Г.С. Загряжский, В.П. Наливкин, Г.А. Арендаренко, Б.Л. Громбчевский, В.Н. Зайцев. Тем не менее, среди всех вышеуказанных выделяется Н.И. Гродеков, один из военных губернаторов, кто находил время еще и для научных изысканий.

В 1883 г. Н.И. Гродеков стал военным губернатором Сыр-Дарьинской области, а через год он был назначен председателем Комиссии по разработке мер противодействия распространению ислама среди кочевников Туркестанского края. В связи с этим Гродеков предлагал не ускорять разрушение «родового начала», а всемерно способствовать употреблению обычного права в противовес шариату. Параллельно же предлагалось «рекламировать» кочевникам русский суд как форму «конечную и наиболее желательную».

От своих подчиненных Н.И. Гродеков требовал знание местных языков, «настаивал на сознательном усвоении ими языка, быта, верований туземного населения, чтобы быть ближе к последнему и понимать его нужды и желания» [1, с. 144]. Относясь к своим обязанностям военного губернатора очень

ответственно, он часто ездил по области, так как «с недоверием прочитывал донесения уездных начальников» [2, с. 455]. Кроме того, в этих поездках знание местных языков «открывало ему воочию все недостатки, несовершенства и злоупотребления народных судей (казиев и биев) при отправлении суда среди туземцев» [1, с. 144].

Одним из важнейших направлений своей деятельности на посту военного губернатора Н.И. Гродеков считал создание сборника нормативных положений обычного права – адата. Поэтому он уже в 1884 г. обратился с просьбой к уездным начальникам собрать адаты, но присланный материал, собранный безграмотными переводчиками, оказался малопригодным для решения этой задачи [3, с. V]. Для нового сбора материалов был выбран филолог и историк А.Н. Вышнегорский, который приступил к выполнению задания в 1886 г. и работал по программам известного знатока Туркестана В.П. Наливкина. Несколько позднее к нему присоединился А.А. Диваев, впоследствии – известный собиратель и издатель казахского фольклора. Среди тех, кто предоставил наиболее ценные сведения, упоминается и кыргызский бий Курпетай Даулеткулов. Сам же Н.И. Гродеков вел переписку с уездными начальниками для уточнения нюансов норм обычного права в различных местностях [4, с. 12]. В результате трудоемкой и кропотливой работы в 1889 г. в Ташкенте выходит книга «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт», за которую Н.И. Гродеков был избран в действительные члены Русского географического общества.

Книга состояла из 12 глав, в которых приводились сведения о преданиях происхождения казахов и кыргызов, родовом устройстве, обычаях, юридических нормах по наследованию имущества, брачно-семейным и социально-экономическим отношениям, уголовным преступлениям и наказаниям за них, а также приводились Положения 1867 и 1886 гг. по устройству народного суда, его норм и процессуального порядка ведения дел. В приложениях помимо этнографических данных, приводились судебные решения, взятые из книг биев, волостных и чрезвычайных съездов Сыр-Дарьинской области, разделенные по видам преступлений и гражданский иск, что являлось новым среди подобных сборников норм обычного права. Кроме того, Н.И. Гродеков, в отличие от предшественников, не старался привести к общему «знаменателю», встречающиеся противоречия по адату, а только указывал на варианты того или иного обычая в разных местностях, тем самым избегая искусственной «подгонки» адата под представления российских чиновников [5, с. 507]. В общем же можно отметить, что Н.И. Гродеков отошел от чисто юридического описания правовых норм кочевников и методически правильно совместил его с этнографическими данными о быте и обычаях кочевников. При этом надо отметить, что собранный материал в основном посвящен казахам, но тем не менее он может быть применим и к кыргызам, так как правовые нормы обоих народов были очень схожи, к тому же, там, где необходимо было показать различия, автор и делал нужные разъяснения. Кстати, любопытно наблюдение Н.И. Гродекова о том, что под воздействием новых административно-судебных порядков изменялось и обычное право, в результате чего появлялся «новый адат» [5, с. 516].

Переходя к анализу записанных исследователем основ традиционного права кыргызов надо отметить, что в основе всего их жизненного уклада, как и у других кочевников, лежали родовые обычаи, которые определяли степень родства, что было очень важно как в брачно-семейных отношениях, так и при уплате куна и айыпа. Вместе с тем надо отметить, что по мере внедрения российской судебной системы родовое начало стало постепенно ослабевать, что выражалось в участившихся случаях отказа рода от своих членов, если они признавались виновными в тяжких преступлениях. Другим аспектом ослабления родовых обычаев являлось уменьшение числа поколений, между которыми можно было заключать браки. Так, если раньше, по словам бия Курпетая Даулеткулова, браки в роду можно было заключать только с 6 колена, то уже в 80-х гг. XIX в. «берут ближе, даже из 2 колена,

за что порицают словами: «Ты портишь занг», но не расторгают браки и не наказывают» [4, с. 36]. Другой информатор мулла Асан сообщил следующее: «Прежде между каракиргизами брали, как у киргизов (казахов. – С.С.), невест из седьмого колена; теперь же берут из третьего, даже начинают брать из второго колена, согласно шариату. В этом манапы и простой народ не отличаются» [4, с. 37].

В отношении же земельных вопросов существовал давний обычай, что «никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род» [4, с. 111]. На зимовках собственностью отдельной семьи считался только тот участок, на котором есть постройки и насаждения, в то же время земля под зерновые и овощи не являлась собственностью тех, кто ее использовал, так как при переезде на летовку землю забрасывали и каждый из рода мог ее занять и использовать по своему усмотрению. «Арыки и колодцы принадлежат тем, кто впервые вырыл их, с закланием животного, хотя бы другие и углубили их и поправили. Эти должны удалиться, когда первый хозяин представил свидетелей или же личную присягу; последнюю в том случае, если кроме него никто об этом не знает. Если же вторые хозяева посадили деревья или построились, то все принадлежит по отдельности каждому. Первый хозяин может их откупить, может также требовать их сноса» [4, с. 105].

В отношении же движимого имущества существовали следующие обычаи. Так, если находили чей-то скот и не сообщали об этом его владельцу, то он доставался нашедшему, если же сообщали, то он возвращался хозяину; кроме того, после утверждения российской власти стали требовать, чтобы о пригильном скоте сообщали начальству [4, с. 109]. Также надо отметить, что часть найденного какого-либо имущества передавалась для свидетелей находки [4, с. 111].

При отдаче вещей на сохранение (аманат) заключалось соглашение о степени ответственности за их утерю или порчу. По данным Курпетая, «за злостную растрату и продажу их хозяин бьет виновного и привлекает его к ответственности как за воровство; за случайную потерю, тотчас заявленную старшинам или властям, не отвечают. При этом детям штрафа нет» [4, с. 112]. Кроме того, «заключается условие о сроке возврата скотины в случае, если будут найдены у нее недостатки. Если такого условия не было, то возвращать не полагается. Заявление о том, что скотина, хотя и без недостатков, но дорого куплена, также не принимается» [4, с. 117].

Если же кто-либо подарил что-то кому-то, а потом решил взять подарок обратно, то это рассматривается как обыкновенное воровство [4, с. 113].

При отдаче денег в долг стараются иметь свидетелей этого, но если должник не отдает вовремя либо утверждает, что ничего не брал, то после судебного разбирательства айыпа он не платит. Как правило, помимо отданной суммы берут 5 % в месяц [4, с. 117].

Примером, как решались иски о возврате долгов, служит следующее дело. В 1884 г. Умис Бекбаев (Аулеатинский уезд) заявил, что в 1882 г. дал в долг 125 рублей Бий-Орозбаю Кундибаеву (Ак-Суйская волость), который это не признает. Истец представил расписку, к которой была приложена печать ответчика. Однако возникли сомнения в подлинности расписки, и тогда бии приняли следующее решение: «Мы думаем, не предложить ли одной из сторон присягу, но поняли, что обе стороны одинаково готовы принять ее; и если мы предложим присягу одной из сторон, то она примет ее с удовольствием, но это будет для противной стороны насилуем. Поэтому порешили кончить миром: взять с ответчика – 62 рубля 50 копеек (т. е. половину. – С.С.) [4, с. 407]. Таким образом, было принято поистине соломоново решение: если иск верен, то Бекбаев лишился половины отданной суммы, а если иск ложен, то Кундибаев был вынужден заплатить довольно крупную сумму ни за что. Однако, как показывает практика принятия решений по адату, скорее всего в накладе остался кредитор.

Особый интерес вызывает наказание за проступки и преступления. Так, по утверждению бия Курпетая, не наказываются следующие проступки – возбуждение к дракам и убийствам, нарушение ночного спокойствия, копанье ям без предупреждающих знаков или истребление последних, клевета или ложный донос, неоказание помощи при совершении воровства или разбоя, а также если вследствие опасности человек погибает, нарушение обычая гостеприимства, ложное свидетельство и присяга, несправедливое решение дела бием и принятие им подарков [4, с. 130–132]. Если же повторяется призыв к дракам и убийствам, то виновный в рецидиве выслушивает внушение бия, а если кто-то быстро ездит по аулу, вокруг аула или приближается вскачь к юрте, то его ругают и предостерегают от повторения [4, с. 130]. Если кто-то поднимет ложную тревогу с криком «аттан!» (садитесь на коней!), то он возмещает возможный вред, произошедший от этого, а если у какой-нибудь женщины при этом со страха делается выкидыш, то платится 100 рублей штрафа [4, с. 130].

В отношении же преступлений по бию Данияру не наказываются следующие их виды – покушение на кражу или грабеж, содействие самоубийству, прелюбодеяние с чужой женой, доказательством чего является только присутствие

любовника, содомский грех (так как не было примеров), скотоложство (потому что у «кыргызов ишаков не водится»), сводничество, составление подложной расписки и приложение к ней чужой печати, за рану, нанесенную вору, за брань и побои равных [4, с. 132–137]. Штрафы платятся за прелюбодеяние с чужой женой, если застанут любовника за совершением полового акта (20–30 рублей), то же, но с дракой, от которой случился выкидыш (50–100 рублей), то же с девушкой (связывают, бьют, и еще 20–30 рублей), изнасилование женщины в зависимости от обстоятельств (5–30 рублей), приложение своей тамги на чужом скоте как явное воровство оценивается: за 1 барана – 4 барана и 4 рубля [4, с. 134, 135, 143]. За брань против должностных лиц бий делает выговор и бьет, а за побои и рану, нанесенные высшему, заставляет резать барана, поднести халат и мириться [4, с. 132]. Если мулла занимается сводничеством, то после его изобличения он должен быстро скрыться, бросив все свое имущество [4, с. 135]. За кровосмешение полагается смерть «от руки всего народа», но примеров не было [4, с. 135].

Помимо вышеуказанных наказаний за преступления и проступки применялся айып и кун. Айып брался за воровство и телесные повреждения, кун же назначался в случае убийства или тяжелых телесных повреждений. Стоит отметить, что в отличие от российских законов штраф поступал в пользу истца и поэтому он мог согласиться на уменьшение айыпа. Кроме того, были случаи, когда «истец просил только о возврате украденного, отказываясь от штрафа и расходов» [4, с. 189]. Бий Курпетай в качестве примера указывал, что за кражу пятилетнего самца верблюда берут трехлетнего и двухлетнего верблюдов [4, с. 192]. После утверждения российской административно-судебной системы, с целью «искоренения страсти к воровству» уездные начальники стали настаивать, чтобы бии назначали высокие штрафы: за 1 лошадь – 8 лошадей (7 – истцу и 1 – бийлык) [4, с. 191]. Однако, как показывает практика, хотя штрафы и выросли, но не в таком размере. Так, в 1884 г. за кражу 10 овец штраф был определен в 30 овец [4, с. 261], а в 1885 г. съезд биев постановил, что если в назначенный срок не будет принесена очистительная присяга, то с обвиняемых в краже 4 лошадей будет взыскано 12 лошадей [4, с. 334]. В отношении же куна, по мнению бия Данияра, существовала следующая процедура: истцу и его родственникам до 3 колена включительно полагалось 300 тиллей (1 кокандская тилля – 4 гр. золота = 3 руб. 80 коп.); 300 тиллей идут «биям и прочим знатным людям, не родственникам ему, потому что истец боится их нерасположения, а они привыкли получать», и 60 тиллей идут на бийлык и разные расходы [4, с. 201]. Известно, что по По-

ложениям 1867 и 1886 гг. кун для мужчины был определен в 300 рублей, а в отношении женщины – половина мужского, т. е. 150 рублей. Однако, при пересчете с тиллей на рубли, выходило 2,5 тыс. рублей, что более чем в 8 раз превышает российские нормы. Поэтому, по всей видимости, приводится кун, существовавший в кокандское время и, следовательно, можно сделать вывод, что российские законы вполне справедливо резко сократили сумму куна, так как он был явно непосилен даже для довольно многочисленного рода, а неуплата куна приводила к барымте, т. е. узаконенному обычаю ведению военных действий для удовлетворения материальных претензий истцом.

В отношении же айыпов за членовредительство, по мулле Асану, выплачивался раньше тогуз (верблюд, 4 лошади и 4 коровы) за тяжелые увечья, а за мелкую вину тогуз состоял из 9 штук скота и вещей, начиная от верблюда и заканчивая халатом [4, с. 192]. После же введения в действия Положения 1867 г. айып за членовредительство стал взиматься только деньгами [4, с. 193]. Бий Курпетай приводит своеобразный ценник за телесные повреждения. Так, за легкую рану ножом взималось 10–15 рублей; за тяжкую рану, но не смертельную – возмещение стоимости жертвоприношения, сделанного родными для выздоровления пострадавшего; за драку с повреждением ноги и руки таким образом, что они не могут свободно двигаться – 30–40 рублей; за рану в руку или в ногу, с лишением свободы действовать ими, – до 300 рублей; за лишение обеих рук или обеих ног – 200 рублей; за умышленное ослепление глаза – 100 рублей. Далее Курпетай поясняет, что глаз, рука и нога стоят по 100 рублей и если человек теряет по чьей-то вине оба глаза, руки и ноги, то он выплачивает полный кун, т.е. 600 тиллей, но почему-то бий приравнивает тиллю к рублю. Продолжая – за искривление и повреждение большого пальца – 30 рублей, а указательного пальца – 5–10 рублей; за выбитый зуб, если он при этом сломался пополам, – 20–25 рублей, если же у старика – 4–5 рублей; за лишение уха – 20–30 рублей; за лишение детородного члена – случаев не зафиксировано, но у казахов за это выплачивался полный кун; за выкидыш от побоев, если плод был 2-х месячный – 30–40 рублей, если 3–4-х месячный – 40 рублей, если 5–6 месячный – 40–50 рублей, если 7–9 месячный – 100 рублей. При этом стоит отме-

тить, что за вырывание всей бороды айып не платился [4, с. 201–203]. Также надо отметить, что за смерть и увечья на состязаниях во время байги ни куна, ни айыпа не платилось [4, с. 212].

Кроме того, «провинившиеся в неуважении к основам строя жизни, рода, семьи и т. п. подвергаются наказанию посрамлением – «обход народа». Виновному связывают руки за спиной, мажут его сажей, надевают на него веревку или кусок старой кошмы и водят пешим по аулу. Спереди один человек тащит его, а сзади верховой подгоняет и бьет» [4, с. 205].

В заключение можно сделать следующие выводы: во-первых, несмотря на то, что труд Н.И. Гродекова в основном посвящен казахским правовым обычаям, тем не менее, представленные в нем данные об адате кыргызов имеют важное значение в плане развития юридического быта в первые десятилетия после присоединения края к России; во-вторых, стоит отметить, что составитель руководствовался данными, предоставленными биями Курпетаем и Данияром, а также муллой Асаном, не привлекая в должной мере своды правил съездов биев – эреже, тем самым существенно ограничивалась репрезентативность полученного материала. К тому же, безусловно, вышеуказанные информаторы не могли подходить к делу объективно и зачастую выдавали за общие обычаи те, которые наиболее им импонировали.

Литература

1. *Мустафин В.А.* Николай Иванович Гродеков. Воспоминания – заметки. 1888–1913 гг. / В.А. Мустафин // Исторический вестник. 1915 Т. 142. № 10.
2. *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае / Г.П. Федоров // Исторический вестник. 1913. Т. 144. № 11.
3. *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт / Н.И. Гродеков. Ташкент, 1889.
4. *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: Юридический быт / Н.И. Гродеков. М., 2011.
5. *Брусина О.И.* Труд Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» и проблемы изучения обычного права кочевых народов Средней Азии / О.И. Брусина // Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области: Юридический быт / Н.И. Гродеков. М., 2011.